

ОТЗЫВ

на диссертацию **Наврузова Амира Рамазановича** на тему:
«Мусульманское просветительство в религиозной и общественно-политической жизни Дагестана первой трети XX века», представленную на соискание ученой степени доктора исторических наук по специальности 5.6.1. – Отечественная история (исторические науки)

Понятие «просветительство», вынесенное в заголовок диссертации, представляет собой многомерное историческое явление, имеющее специфику во времени и пространстве. Поэтому логично говорить о мусульманском просветительстве как части просветительства в целом, и связывать его с общественно-политической жизнью.

Что касается двух дефиниций «мусульманское реформаторство» и «мусульманское просветительство», то авторской позиции по синонимичности (или отсутствию этой синонимичности), по взаимодействию этих понятий соискатель четко не дает. Мусульманское реформаторство соискатель четко обозначает как одну из форм джадидизма (С. 22).

Исходя из сказанного, становится понятно, почему обоснование актуальности сочинения начинается с характеристики джадидизма. Соискатель утверждает, что «джадидизм сегодня – одна из наиболее дискуссионных в академическом отношении тем, которая, с одной стороны, активно и много изучается, но, с другой стороны, вызывает множество противоречащих друг другу интерпретаций» (С. 4). Первая фраза текста диссертации однозначно указывает, что, рассматривая «мусульманское просветительство», диссертант сведет его к «джадидизму». На взгляд оппонента, это требует авторского пояснения.

Перекличка идей джадидов первой трети XX века и современных обновленцев религиозной жизни Дагестана видится автору в решении таких задач, как «адаптация ислама к требованиям современности, сохранение исламской духовности в условиях модернизации, внедрение современной науки в традиционное образование, достижение гендерного и национального равноправия, а также социального равенства» (С. 4).

Говоря об актуальности своего исследования, диссертант пишет о политизации ислама как следствии неадекватных оценок общественных процессов в Дагестане. Цитата: «Она (политизация – опп.) приобретает особую важность на фоне подъема волны салафизма, вызванного процессами реисламизации в Дагестане и России». Думаю, следовало бы добавить «и России в целом». Известно, что Дагестанская область была в составе Российской империи (с 1859 года), затем образовалась Дагестанская республика (1921) в составе РСФСР, а в 1991 году Дагестанская АССР получила автономию и стала частью РФ как Республика Дагестан – субъект Российской Федерации.

Кроме того, актуальность обосновывается недостаточной изученностью джадидизма Дагестана первой трети XX века (с чем можно полностью согласиться).

Далее в тексте Введения дается фрагмент под названием «Степень разработанности темы. Исследование джадидизма в советской и российской историографии» (С. 5-20). В связи с этим выскажем некоторые соображения:

- Советская историография и российская историография разделены. Но российская историография до 1991 года – это часть советской. К тому же, в диссертации историография советского периода, представлены тремя работами таких ученых как: Дж. Валидов (Москва, Петроград, 1923), А. Аршаруни и Х. Габидуллин (работа вышла в 1931 году в Москве), Я.Г. Абдуллин (Казань, 1976). Все труды были написаны и опубликованы в пространстве РСФСР. Может быть, было бы уместнее назвать этот фрагмент «Советская и постсоветская историография». Или: «Отечественная историография».

- В том же разделе Введения, посвященном историографии, говорится: «В годы хрущевской «оттепели» началось переосмысление истории движения джадидизма в советской литературе» (С. 7). И далее дается критика зарубежными авторами историографии этого периода, но не указано ни одной работы, которая критикуется по хрущевскому периоду отечественной истории.

- Непонятно, почему надо было помещать содержание материала по отечественной историографии во Введение диссертации, когда историографические вопросы охарактеризованы в Главе I, п. 1. Причем, в п. 1.1 наблюдается повтор: в этом пункте

снова говорится о трудах «советских и российских исследователей» и добавлены зарубежные ученые как критики советской историографии (1.1.1.).

Продолжая тему историографии, отметим, что она развивается в Главе I. В ней имеется небольшой по объему подпункт (1.1.2. С. 60-72) «Изучение джадидизма в Дагестане». Пункт 1.1.2. интересен выделением отдельных проблем, которые решают ученые, ставящие вопрос о дагестанском джадидизме. Хотя заголовок можно понять двояко: либо это анализ мысли и деятельности дагестанских джадидов, либо это джадидизм в оценках ученых Дагестана. Действительно в указанном фрагменте есть историографические, идущие от дагестанских ученых (М.А. Абдуллаев, Ю.В. Меджидов, Г.М.-Р. Оразаев, А.-К.Ю. Абдуллатипов, К.М.-С. Алиев и др.). Но вместе с тем, имеются указания на труды М. Кемпера, Ребеки Гулд, которых не назовешь учеными Дагестана. Может быть во избежание этих несоответствий, следовало назвать п. 1.1.2. «Степень изученности дагестанского джадидизма», тем более диссертант указывает на то, что нельзя, по его мнению, экстраполировать на дагестанский джадидизм «те дискуссии, которые проходили в других регионах Российской империи, в частности, в Волго-Уральском регионе и в Центральной Азии» (С. 61).

- Небольшой по объему подпункт (1.1.2. С. 60-72) «Изучение джадидизма в Дагестане» (Глава I) заслуживает внимания. С одной стороны, он показывает слабое освещение темы учеными Дагестана, что поднимает значимость труда соискателя с точки зрения его новизны. Но, с другой стороны, неясно, почему исследования ученых Дагестана полностью отделены от российских исследователей.

- Если выделена научная мысль ученых Дагестана в отдельный фрагмент историографии во Введении, тогда логично было бы в п. 1.1.2. «Изучение джадидизма в Дагестане» ввести труд Абдуллаева М.А. (Из истории философской и общественно-политической мысли народов Дагестана в XIX в. М., 1968). Но мысли Абдуллаева отведены во Введение. Научные труды дагестанского философа и обществоведа М.А. Абдуллаева в соавторстве с Ю.В. Меджидовым охарактеризованы в разделе 1.1.2. Получился повтор.

- Труд В.О. Бобровникова об Али Каяеве выпадает из общего очерка «Изучение джадидизма в Дагестане». Также как и работа С.Х.Акбиева «Дагестанско-татарские литературные связи XIX –

начала XX века (проблема сравнительно-исторического изучения). Автореф. дисс... д-ра филолог, наук. Алма-Ата, 1989» относится к изучению Дагестана в Казахстане, а не в Дагестане и пр.

Понятно, что диссертанту было трудно отделить Дагестан от окружающего академического пространства, так как ученые Дагестана выпускают работы совместно с исследователями других государств и регионов России.

Несмотря на высказанные оппонентом соображения, отметим, что историография, представленная А.Р. Наврузовым, говорит о тщательной проработке имеющейся литературы (298 единиц), о вдумчивом прочтении научных текстов, о навыках использования критического мышления, об анализе трудов последних лет (Усманова Д.М. Личность и наследие Исмаила Гаспринского в татарской эмигрантской прессе 1930-х гг. // *Minbar. Islamic Studies*. 2022. Т. 15. № 3. С. 516-531 и др.). Изученная литература значительна по объему, в ней наличествуют, кроме русскоязычных, тексты на немецком и английском языках в переводе диссертанта, что составляет положительную сторону работы. Но сведения о литературе частично даются почему-то в разделе, посвященном источникам.

Обратимся вновь к Введению диссертации. Согласно требованиям, предъявляемым к текстам такого рода, во «Введении» имеется фрагмент «Источниковая база исследования». Количество источников составляет 419 позиций из Научного архива (НА) и Фонда восточных рукописей (ФВР) Института истории археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра Российской академии наук (ИИАЭ ДФИЦ РАН), из частных и мечетских рукописных собраний, а также из материалов археографических экспедиций, собранных сотрудниками отдела востоковедения ИИАЭ ДФИЦ РАН в различных районах Республики Дагестан. Ценно то, что источники выявлены и переведены соискателем: это, прежде всего, арабоязычная, реформаторская пресса: газета «Джаридат Дагистан» (Газета Дагестан) (1913–1918) – 312 единицы, статьи арабоязычного журнала «Байан ал-хака'ик» (Разъяснение [шариатских] истин) (1925–1928) – 43 единицы.

Источниковая база достаточна для утверждения достоверности выводов работы. Вместе с тем заметим, что в понимании соискателя

научная литература есть исторический источник, на что прямо указано в Положениях, выносимых на защиту (Автореферат. С. 25).

Хронологические рамки, правильно определенные соискателем для Дагестана, нуждаются, на наш взгляд, в проговаривании, поскольку существуют разные взгляды на начальный и конечный моменты мусульманского реформаторства, о чем исследователь говорит в других, кроме Введения, разделах работы.

Объект и предмет исследования, а также цель и задачи четко сформулированы за счет детальной проработки методологии (С. 23-24). Научная проблема внятно обозначена, но гипотеза не сформулирована. Научная новизна исследования не вызывает сомнения. Раскрыты основные положения, выносимые на защиту (11 позиций).

Диссертация состоит из Введения, четырех глав, разбитых на параграфы и подразделы параграфов, Заключение, списка источников и литературы, Приложения. В автореферате подразделы параграфов не упоминаются.

Текст диссертации обладает внутренним единством структуры и единым логическим стержнем в изложении материала. К каждой главе даются выводы.

Глава I именуется «Мусульманское реформаторство Дагестана первой трети XX века: историография вопроса; предпосылки, причины зарождения и распространения; вопросы ваххабизма и взаимоотношения реформаторов с официальной властью». В Главе I четыре параграфа, из которых первый и второй разбиты на части: первые два параграфа посвящены историографии, а последние два – мусульманскому просветительству. Однако, и параграф третий опять сбивается на обзор литературы оценочного характера, по сути, на историографию «просветительства» в широком смысле слова (европейской Эпохи Просвещения, восточного просветительства в целом).

На взгляд оппонента, надо было бы историографию перенести во Введение и четко разбить по проблематике. Как было сказано ранее, во введении уже имеется частичная историография темы диссертации. Тогда дагестанское реформаторство было бы подано в его специфике более зримо, а в представленной автором в Главе I как продолжение историографии оно несколько теряется. Историография мусульманского реформаторства Дагестана

фактически сведена в этой главе к более общей проблеме джадидизма (п.1.1.1).

Интересно сопоставление позиций дагестанского журнала «Байан ал-хака'ик» с точкой зрения официальных советских органов по вопросу халифата во время движения за созыв общемусульманских съездов в Каире и Мекке в 1920-х гг., сравнение ваххабизма и идей дагестанских реформаторов. Этот сюжет обзорно представлен в п. 1.3.

В последнем параграфе Главы I (п. 1.4), опираясь на материалы газеты «Джаридат Дагистан», действовавшей до весны 1918 года, соискатель выявляет наиболее значимую проблематику издания, отводя при этом особую роль редактору газеты Али Каяеву. В научный оборот вводится и аргументируется собственная точка зрения дагестанских реформаторов на организацию власти в Дагестане в период Временного правительства, на отношение к шариатским нормам в дагестанских судах, о расходах пожертвований на общественные нужды и др.

Таким образом, мусульманская пресса Дагестана рассматриваемого периода занималась просветительской работой. Автор соглашается с выводом И.Р. Насырова: «Дагестанские реформаторы первой трети XX в., как салафиты-обновленцы, внесли в исламскую историю Дагестана идею умеренного ислама, родоначальником которой мы по праву можем считать Гасана Алкадари (1834–1910), равно как и историка Мурада Рамзи (1855–1934), и педагога Халила Рахимова (1863–1927) из Урало-Поволжья за их вклад в обновление интеллектуальной мысли мусульманского сообщества России конца XIX – начала XX столетия. Они вошли в историю как представители течения под условным названием «исламский умеренный реформизм» конца XIX – начала XX в. и оказали содействие в деле освоения массовым сознанием мусульман новых прогрессивных идей» (Место и роль традиции в обновлении //Ислам в современном мире: внутригосударственный и международно-политический аспекты. 2022. Т. 18. № 2. С. 98).

Соискатель приводит как «очень удачное», на его взгляд, определение умеренного ислама, данное З.М. Абдулагатовым. И с этим, безусловно, можно полностью согласиться. В этом определении смысловым ядром является исламская умеренность, неприятие насильственных методов, мирная адаптация к современности без потери основных позиций в системе исламских

ценностей. Все названные положения актуальны для текущего момента отечественной (и не только) истории.

В своем исследовании диссертант приходит к утверждению правильности вывода о том, что «реформаторство в Дагестане не вышло за рамки просветительского этапа».

Глава II «Вопросы реформы образования мусульманской школы, женской эмансипации и критика устаревших адатов как важные составляющие мусульманского просветительства в Дагестане (начало – первая треть XX в.)», как следует из её названия, акцентирует внимание читателя на трех позициях: образование, женский вопрос и отношение к адатам.

В автореферате диссертации слово «устаревшие» применительно к адатам убрано (небольшое несоответствие текстов диссертации и её автореферата).

Вопрос образования и просвещения в медресе и мектебе (п.2.1.) рассматривается через совершенствование методик, выбор языка обучения, отношение реформаторов к введению элементов светских наук и формированию этических норм на основе литературы. Женский вопрос (п.2.2.) и вопрос о критике устаревших адатов (п. 2.3.) рассматриваются без структурного деления едиными фрагментами текстов.

Глава III «Правовые аспекты мусульманского просветительства в Дагестане» состоит из двух параграфов. Наиболее тщательно проработан параграф второй, посвященный вопросам фикха. На основании изучения материалов прессы диссертантом выявлено восемь позиций, каждая из которых важна не только для того, чтобы уяснить позицию дагестанских реформаторов, но и для понимания дискуссий богословского и общественно-политического характера на современном этапе. Четкий анализ каждой из позиций (вакфы, закат с бумажных денег, махр, талак и др.) служит подтверждением тезисов диссертанта о наличии мусульманского компонента в мировоззрении джадидов Дагестана и о преемственности позиций джадидов имперского и раннесоветского периодов.

Глава IV «Суфизм в риторике мусульманских реформаторов Дагестана» состоит из трех параграфов. В них выделяются актуальные по сей день вопросы мусульманских суфийских практик.

Критика ритуалов суфиев (тавассул и истигаса, рабиту) (п.IV.1), имеющаяся в трудах реформаторов начала XX века, может

служить основой для размышления современных мусульман. То же можно сказать и по вопросам празднования маулида и почитания святых (п.IV.2.3).

Основные итоги исследования диссертант резюмировал в Заключении, соотнес его содержание с положениями, выносимыми на защиту.

Практическая реализация диссертация возможна в мусульманских и светских учебных заведениях.

Диссертация отличается хорошим стилем и ясностью изложения. Время от времени встречаются опечатки.

В целом положительно оценивая представленное диссертационное исследование, выскажем следующие соображения.

1. Имея достаточный и основательный источниковый материал, соискатель мог экстраполировать его на современную религиозную и общественную обстановку в дагестанском обществе, что усилило бы актуальность диссертационного сочинения.

2. Хотелось бы видеть во фрагменте под названием «Источниковая база исследования» во Введении не только перечень источников, но и их характеристику по видовым признакам (как того требует источниковедение), а также обоснование выбора именно этих источников, а не каких-либо иных, их значимости для раскрытия темы диссертации. В труде соискателя вопросы, связанные с источниками, раскрываются в разных разделах текста, по сути разбросаны по тексту. А во Введении дается лишь их краткий перечень.

2. При проведении анализа материалов Глав I и II следовало давать больше собственных аналитических оценок: заметно при обобщении частое обращение к монографии З.И. Левина «Развитие общественной мысли на Востоке. Колониальный период. XIX–XX вв. М.: Наука, Издательская фирма «Восточная литература», 1993. – 245 с.

Высказанные соображения не снижают общей положительной оценки работы А.Р. Наврузова. Полученные автором результаты соответствуют поставленной цели и задачам. Содержание автореферата и полного текста диссертации коррелируют. В опубликованных трудах соискателя отрабатывались те же проблемы, которые нашли отражение в тексте диссертации. Апробация исследования соответствует требованиям.

Диссертация А.Р. Наврузова представляет собой научно-квалификационную работу, которая соответствует критериям, установленным Положением о присуждении ученых степеней, утвержденному Постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. № 842 (ред. от 25.01.2024), а её автор Наврузов Амир Рамазанович заслуживает присуждения ему ученой степени доктора исторических наук по специальности 5.6.1. – Отечественная история (исторические науки).

Официальный оппонент,
доктор исторических наук,
доцент, профессор кафедры
истории и мировой политики
Нижегородского государственного
лингвистического университета
им. Н.А. Добролюбова

7 мая 2025 г.

Подпись Сенюткина О.Н.
ЗАВЕРЯЮ
Специалист по кадрам Москва
« 7 » мая 20 25

О.Н. Сенюткина